

Игорь – Северянин

FAC SIMILE

Специальное

издание к

125-летию со дня рождения поэта

Осуществлено при поддержке Союза Русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии. В оформлении обложки использован портрет поэта работы Ирины Суйканен. Рисунки в тексте: А.Крученых, Дени (В.Денисова), М.Синяковой-Уречиной, Cīvis (С.Цивинского), Н.В., из журнала «Солнце России» и газеты «Вечерняя Москва».

Tallinn 2012

Игорь-Беряини

© 2012 Michael Petrov, составление, оформление, примечания.
petrov@infonet.ee

125.

Любовь! Россия! Солнце! Тучки! —
Могущественные слова!..
И не от них ли на опушке
как распускается листва.

И молодеет не от них ли
Староюзав молодёжь?..
И не при них ли в душах стирли
Зло, низость, ненависть и ложь?

Да, светозария и лазорья,
Как ты, весенняя листва,
Слова, зби звуки иждотворья,
Величественные слова!

Три звука тех тердет даже
Свои смертоносный смысл, в дали
Вехов грохочущая в предаче
Посредствениая Kathalie...

Три них, как перед великим лесом,
Отрабатываемь, не клаясь,
И боготулбий фронт с даутомом —
Звено Олеова коня...

Торла.
1924.

Для разрешения въ Цусимской
Кампании.

№ 4213
6/10/02 Сражение

при

Цусимск. Битва 12/10/02

И. А. Жуковский

Бойсь слова грозной бой на Ириской океана,
Землях двоя дрались съ отвагой огневой,
И кардам из миль рожившая заранею
Бойсь страха встрахити смерть. О, то бойсь грозной бой!

Пробившая въ пути опасной и далекой
Землях русская была утопленна
И не чужда отдахити еще она,
Какъ встрахити съ таинственной Востоковой.

О, колоссъ стверживъ- страна богатостей!
Отлима довластивый российский основы,
Неповорженая миль и мильда!
И в бояхъ и в бояхъ и в бояхъ и в бояхъ...

Милл болшо, но, какъ русский въ горы сознанье:
Повша въ Артура флотъ, и крепость наша пала,
Разбита армия... И в бояхъ неграждъ друзья!
И в бояхъ и в бояхъ и в бояхъ и в бояхъ...

А тутъ опять воя: Цусимский страшный бой,
Дни звонкого погрома...
И в бояхъ и в бояхъ и в бояхъ и в бояхъ
И в бояхъ и в бояхъ и в бояхъ и в бояхъ...

И такъ при Цусиме погибъ русский флотъ,
Расцвелей вояхъ и вояхъ,
А в миль столько друзей, надеждъ и работъ...
Дно моря миль стало могилой.

О, где ты, "Вельд" и "Торводни"?
"Сесви", "Кинг Суджовт", — о, где ты?
Разбиты драганы сохи ты на дво,
Как в твоей вьрна смерти-коронева.

А ты, "Каварий", "Монимон" и "Дошви"?
"Камимов", "Камратия", "Свотпана"?
Или тебе усиле подд удридой волной.
И сердце принимается страстной токой,
И коготь сердечной франк.

И ты, "Никола" и "Игорь"? "Антоний"? "Орел"?
А ступил из твоей "Семавит"?
Кто... сдал Келогатль, а ты... ушел...
Кто в подножи пугивому явель?!

И радисии предков от держко попрай,
Идревский фронт опозорит,
Тель бы суда илугитмено сдал,
Тобноу рнуеуе ускорит.

Къ тебе обрзави з, руссий народ:
Прокляты бисопиуу, сдавилеу фронт!
Уилушии-хре пиратоме!
Козор хре тебе, Келогатль!

И ты, "Камратия" и "Импрат Чуманов":
Терой до конца зашумоуе.
И врабраво битва славити ротль:
Од твоей пугавоуе ретане.

—
* *

Съ караульникомъ ранимый въ Кладбищенской
Средь прочихъ судовъ мелъ „Трѣдновѣй“,
Съ имени „Трѣдновѣй“. Урестновѣй, безграмотный прочѣ
И здѣсь наѣтъ пресловодной слова.

—
* *

Два судна явившіеся воиначи отрядѣ;
„Трѣдновѣй“ сдѣлазъ безъ зачунѣти,
А „Трѣдновѣй“, судно потопившій, былъ радѣ
Увидѣть дозрѣну отсрѣтѣи.

—
* *

Отъ сибирской Заслѣдки остались у насъ
Лишь „Урестновѣй“, „Орестъ“ и „Августа“,
Два, три мимолетца, да дѣтѣ: „Вилмаѣ“—
Остатки кроваваго сѣра.

—
* *

Целу приписать этотъ страшный погромъ?
Цѣль все объяснить пограбленье?
Напрасно хоту разобратѣсь въ толкѣ
Кровавой Царемской сраженѣи.

~~Мне устал, боюется, боюется, боюется...~~

~~Зачем это все? отчего?~~

~~Команда и приказ? и приказный ли приказ?
Суда ли не приказный суд?..~~

~~Все же лучше страдать, переживать, из страдания,
Душами ей и душевно бою...~~

~~Надеюсь, в жизни, в жизни, в жизни...
Ужени еще не доведет?..~~

~~Доброму пощади! Доброму пощади!~~

~~Доброму для нас умирания!~~

~~И устал, эту бою-войну, войну, войну
В войну, войну, войну, войну...~~

Гамбург.

29-го июля, 1905 г.

Ульяна Шварц.

Ито было у моря, это ашурная неба,
Где неспроста жила коридорская Жарница;
Коридорская неба в Бамис-зависа Копеца,
И, вшивая концы, шивител се - таша...

Било все овал прено, било все овал мано,
Коридорская прено неперисаит зрашамид
И дана шивителу, и таша шивителу,
И таша шивителу, без ед шивителу сонанд...

А шивител шивителу, шивителу зрашамид,
До шивителу шивителу шивителу шивителу...
Ито было у моря, это была Буржова,
Где и ашурная неба и сонанд таша!...

Шивител - Шивителу

Это было у моря...
После-минувшего.

Это было у моря, где адурился нѣтъ,
Тот безпробудно рѣдко карденкай змиодег...
Караела направо - въ дашигъ зомка - Уломери,
И, внимая Уломери, наловилъ ее направо.

Очень было все кроко, очень было все мило:
Караела прощала перерывахъ гранатъ;
И дама паровую, и направо петляла,
И направо наловилъ, всѣ въ морявахъ соканъ.

А потомъ отдавался, отдавался грозно,
До востана радней красная госпожа...
Это было у моря, где была бирюза,
Тот адурился нѣтъ и соканъ направо.

Каболера III.

Озъ грезъ кларета - во мадакъ рубина,
Рубины страсти, - фиделии ритъ.
Во кристаломоникъ водакъ корона рѣбина,
И Блондрой, и сладкй стигъ.

Струйтъ вьзори... Лукавѣтъ серби...
Кострѣтъ экстаза... Струйтъ алаза...
— Какъ оиъ возмощенъ, миратерный березъ... —
Во бокалѣ ментуна симбора Зоу.

О бездна тайно! О, тайна бездно!
Заблѣнкѣ любви... Тамъ акъ ваино...
Какъ мѣ подзано! Какъ мѣ подзвѣдно!
Какъ мѣ бездонно! Какъ мѣ полно!

Шуршагъ пераино мьдара вьдани,
Вьино сверкагъ, какъ сьракъ позитъ...
И закрѣпимѣтъ озъ гора малаги
Таловки орентици и кризандель...

Весенний день.

Весенний день яркий и золотой,
Весь миром согревает ослепляет!
И слова — о : о слова молодцы,
О слова веселье и влюбляет!

Душа поет и рвется к полне,
И весь мир утешит зову на то...
Какой простор! какой воздух!
Какие мысли и чувства!

Скорее бы к Гурки по ухабам!
Скорее бы к воде ручья!
Смотрю на то много ружьями табак!
Как дрова, что востань в реча!

Идите, веселый дружок!
Расту, права! востань, сирень!
Живите и не мот : все люди ружья
И такой прекраснейший день!

1911. С.-Петербург.

Игорь-Грегори

Я изобрелъ на всю Россію,
Какъ оскандалимай чертъ!..
Литературного Меліна
Во шлюзъ привѣржущаго портъ;

Старый Французъ меня плащадно —;
Ужъ-го мена вездѣ садомъ!
А издѣлаетъ Бужнащадно
Каждѣ скуданимеломомъ судамъ!

А идомокъ въ елаи задаромъ
И отомомъ, что идомокъ,
А Прѣвизи' мизръ горобомъ къ едартъ.
Теломъ на градѣ сѣтъ елмомъ.

Авторъ.

обучающий
Северин

И. Сибиряков
в Херасов
и при этом своих
Сибиряков

Зиги.

«... Поэзия — сердце все человечества,
Неизгладимое злущее...»

К. Фрофанов.

Безднушно было морское море
По "верованиям" к земле "пуанту",
И взоры Зиги, идыте рондо,
Скалы в морю, чужд стучит каюты фразы.

Кружится от шумов заморского моря
И дождик намек всеобщего гудения.
Из ед души — оскалки эрафа Амосса,
А на лист — обидное бедствие.

Зиги, Зиги! Мест селу не крали?
Не крали селу, буронгази и крозкаи?
Мил, морере диль, чужие души скривали,
И милу не морере диль кокоиткой?

Останови мотор! стилии ланты
И милки диль, всеестея каутины,
Развей каиле и, выиде из ландо,
Силой кагорой митаровуо тилу!

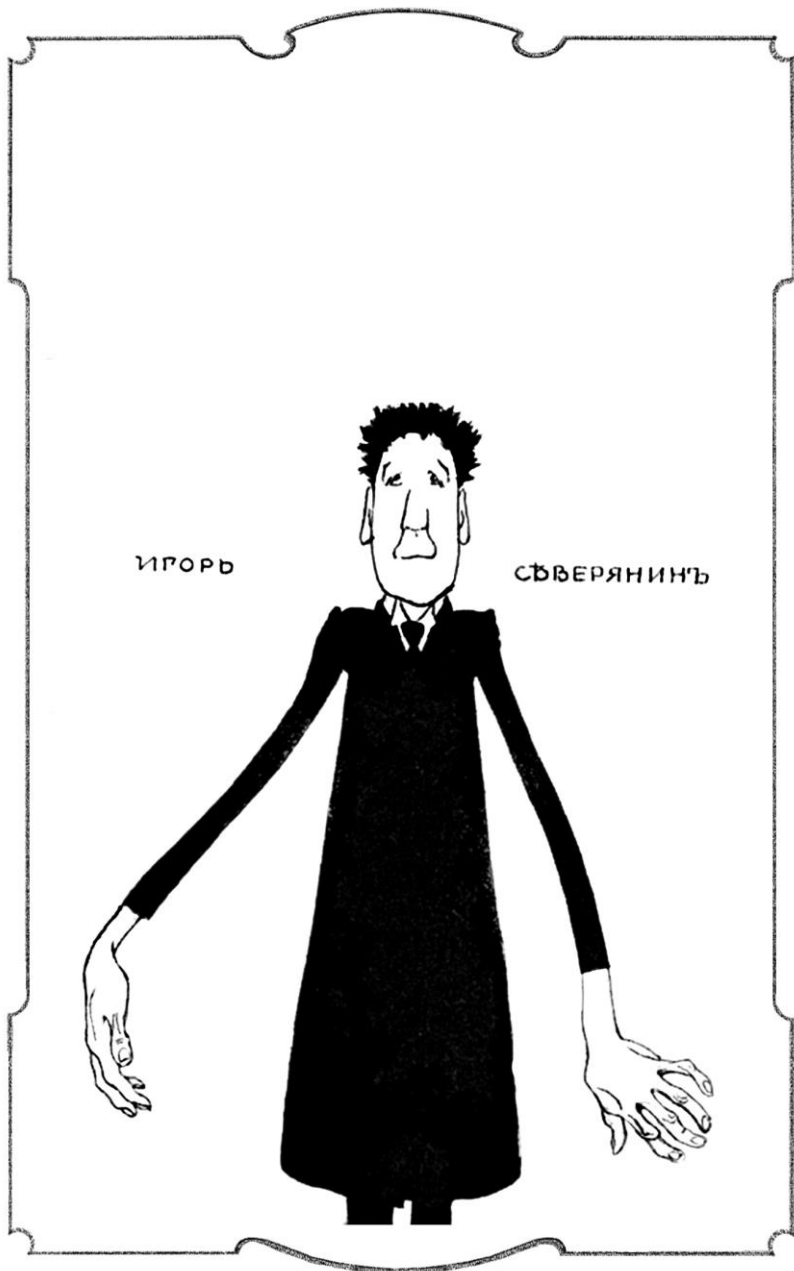
Чидо до рою, что скалере Пиретона
Над шилькаш, цилиндром и коту?
Чидо до тило! — тидкаш колонна,
Великостантнй хетер великостантнй!

Гуриамка.

Сонет.

Ты ласточка ричеи на мени,
Вздвигая смелки кт фрррррррррррррррр.
За что в гедт не цимитио
И миконда мовиго не перерану.
Всё фирное, что црррррррррррррррр,
Во залонт у гедт. А не кинио,
Что кдтирка гк знаеио по Роиуаму
И вовсе гк не знаеио про смитио.

Защо когда гхон фрррррррррррррррр-арабикс
Модалго ет икорог нагоеного рррррррр
Кудинио Мадис и сзериодвизи Шекено,
Никондо есравл црррррррррррррррр,
Ты възрррррррррррррррр, что црррррррррррррррр,
Фрррррррррррррррр гк дррррррр гк фррррррррррррррр...

Посвящение.

Пусть ишь Мария Волынская
Смететъ набожи съ мольбъ:
Подъиъ святой и галаитскій
Езъ благовременнъ веригиъ.

Да будетъ же великъ дѣлъ призора
(А моженъ бѣтъ и дѣлъ креста!)
Какъ престоу доръ оушера
Тѣма гениальнѣ-проста.

И только своей престотомъ,
Правдывиъ и яснвиъ умовъ,
Моеи овладѣла душою
И царствуетъ въ сердцѣ мовѣ.

И только своей престотомъ
Меня, исковерканнаго,
Кронитъ животворной росой,
Меня золотыъ слова.

И только ея престотомъ
Ослабляеъ обѣзснѣтъ
Готовность уйти молодомъ,
Измуритъся и не жить.

Разрушаемая разонской,
Худшоуаг съ каждымъ днёмъ
Съ какою твердостью кромкой
Хронюемъ въ вемъ моемъ!

Заботливо оберегая
Отъ пошлости и вина,
Она — мой дорогой —
Мамосильный мой мѣтъ бѣна.

Ахъ, вѣтернула немало
Отъ змиа и отъ другихъ
Она за свои труды небывалыи,
За кардыи ударыи итрыхъ.

Ахъ, вѣтернула немало
Изъ-за самого меня;
Недаромъ камиаентъ иго,
И зуби — суче огуз.

Сознательво, идеино,
Самонощертвоваши,
Отдала свои вощъ мильныи
Миръ она.

Саратовъ.

4/15. Декабря 13го

x x
x

Она была сначала этуаль,
Но инженер увез ее из Вильно.
Он разбил ее на бриллианты и сталь,
А не хватило — перерезал вену.
У ней о нем осталось... венечаль!
Но что это изгнал флакон Вервэнь...

Спб., январь.

x
x x
x

От тоски научилась курить
(Если-б отклик болельщому вопросу!)
То говорить? Не хочу говорить!
Папиросу! еще папиросу!
— Это-ж, курите, мой друг, — не будь!
Если в жизни печальной и братской
Нит забвения, тогда, о тогда,
Сильно вверст в каркоз из табачной!

Спб., сентябрь.

Игорь Сувякинъ (рожд.-этюдъ)

Наша вострота — похороны дней
Предвидущих, как узицкая прахоть.
Пригадывайся, мой друг, над ней,
Над судьбы ищущими взмахом.

Или блестящ, з вт несею тумана;
Мы — души, как руси, раздвине.
Или бедность: то предназначене,
Мы сбегаем, поздно или рано.

Мама Кемпера - Victoria Regia:

Ах до-подо до уломы...

До 4 мар-кег - Марс-Грегис

И кадежда до шеры...

Туби рудент, - узублава над косо 4,

Тупенеру кадемы...

Мама Кемпера - Victoria Regia:

Ах до-подо до уломы...

Клеп - Грепануна

1916.

Владимиру Маяковскому.

Мой друг, Владимир Маяковский,
В былые годы озорник,
Дражить толпу любви жертвенно,
То казавая ей драк.

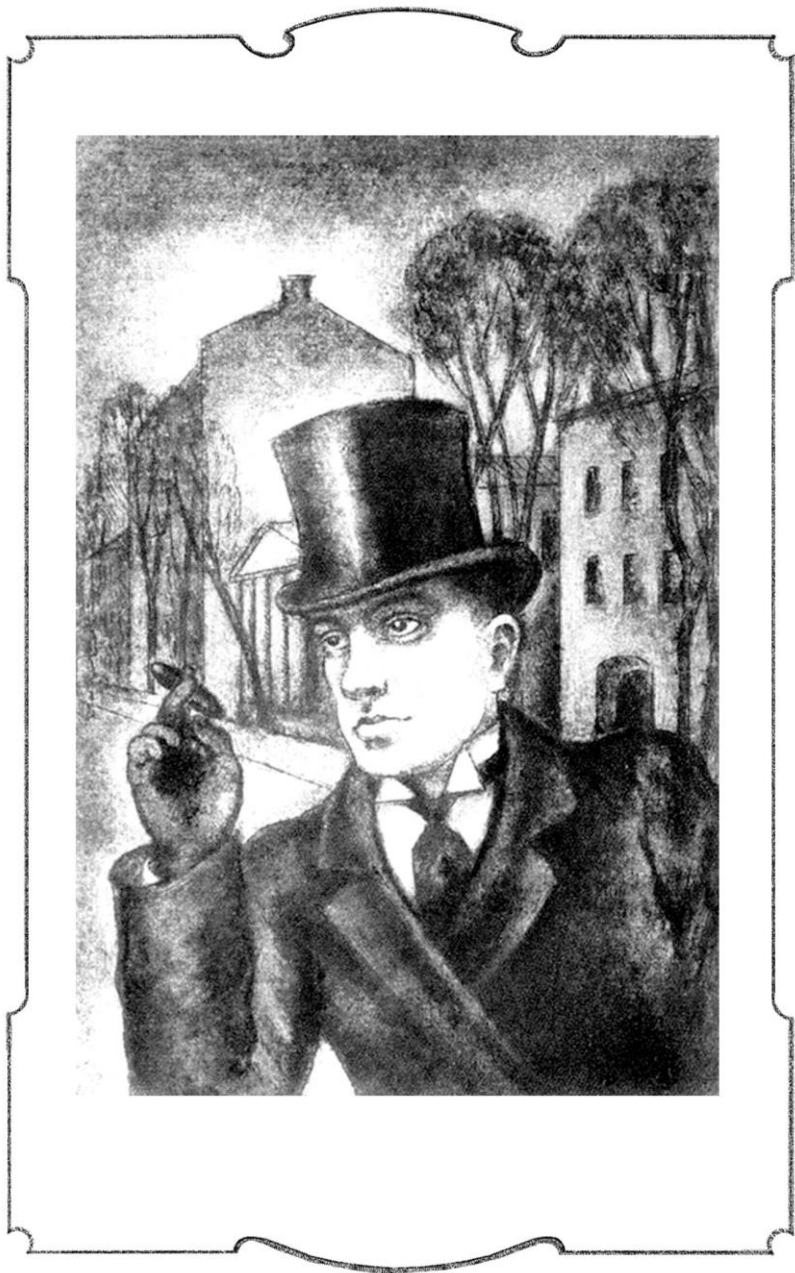
Ходил в широкой золотой кофточке,
Что надпявал вшивевои фрак:
Казалось, звал: „Октябрьское
Копуцание, свои громоподобный драк!“

В громоподобную стужу,
Что в полсащени, то в вершок,
Он щедро вкладывал утешки
Толпу, кто звал стихи: „стишок“...

Его раскатистый, трибунальный,
Толпу клоуний долу бас,
Тремил по всей отливке салыной,
Топь пот, шапидари и самитас.

В тот год германского режима
Мы подняли в искусство смерл.
Толпу! Толпились егор Крайна
И ежухой скорленицу Керль?

О, вспомни, вспомни, Колобродя
Воспоминаний дальних мгу,
В Турзуер и Лоту, мой Володя,
Топзду в сивыцину пурзу

У авто от берегов Салгиря
С закусками и с коньяком,
И этот коньяк Бакиря,
И дру? ставший нашим коньяком!..

Что поминишь нас у Галентины,
Что гунь не стала личи? моей?...
Благодаря тебе, о Валюш
У сердца "двуязыку и фрей"!

И наконец, то поминишь Соку,
Что ти мое, совсем твою,
Что акую шалую двуязыку,
Что акую ишинуго жиню?..

О, если то, Владимир, поминишь
Все эти божие ишину,
Что миль побольше, погрозити
Иварие отьветное стихи!

24 янв. 1923г.

Перед войной.

Я Туркешеву отдавал визит,
Когда он был с Ахматово в Царском
В большом проглядном тихом доль барском,
Ураившем свой патриархальной бот.

Не знал поэт, что смерть уже грозит
ни где-нибудь в лесу Мадагаскарском,
не в удумановцем нескль Сахарском,
А в Петербурге, ~~нигде~~ ^{где он был убит.} ~~нигде~~ ~~нигде~~ ~~нигде~~.

И долго он, ~~молчаливый~~ ^{душою} конквистадор,
Маль говорил, о том скакать отряд.
Ахматова устала у стола,

Толмила постыдную перальбу,
Духмана невидимой вральбу
Ветшающего Царского Села...

Estonia - Toila.

Трагическая поэма.

Два-три неудачных поступка,
И гибнет семейная жизнь.
В, разве не прав я, голубка?
Скажи, откровенно, скажи!

Но брюкам скользнувшая юбка
Какой-нибудь ветреной, и брак
Расшатан. Как больно, голубка,
И в сердце пустошь и мрак!

Но помни: из ведерного кубка
Вкусили с тобой мед любви.
И крепко союз наш, голубка,
Как жизнь его прищипи и рви!

IX, 423.

Тогда.

Не говорите о культуре!

Тюка ницко законс людзи,
не говорите о культуре.
Тюка сосна грозит орудзем,
не говорите о культуре.
Тюка земля лвет кровь людску,
не говорите о культуре.
Тюка о братствя з тоску,
не говорите о культуре.
Тюка есть "бидибя" и "богачи",
не говорите о культуре.
Тюка дворян идут на хатю,
не говорите о культуре.
Тюка возмоцни в мирь воид,
не говорите о культуре.
Тюка на групно мирь расколот,
не говорите о культуре.
Тюка есть "иудей" и "эллин",
не говорите о культуре.
Тюка сибял ницки обезумели,
не говорите о культуре.
Тюка есть мечь, вражда, погромы,
не говорите о культуре.
Тюка есть арестнае домо,
не говорите о культуре.
Тюка нют равенства и братства,
но есть запрет ч есть земцуря,
Тюка возмоцно светотатствя,
культура ваша - не культура!

923.

Унизточыце партыйнасць!

Партыйнасць — істотнык велю дол и велю год:
Одбросце партыйнасць и шчыце побед,
Чтоб од окрапешыся духа.
Одна толькы партыз пуче да шчыет,
И будет ей дотрые шчы: Народ,
Щелашыне шчы дзю слуха.

Кто партый в прыроду, и, если крыкнешь,
Тыо кшыка гет пшыку, тыо кшыка не шчы:
Шчыет в пшыку вшыплету кшыка.
Кто тыо не шчыотшые, тыо — геловыт,
Кто-б ни баш тыо — не го, амелгашы шчы шчы-
Шчыунай об этом кшыкшык...

Звонкы дресшыршык кшыктурыт. Людеш
Кшыктурыт велешые всешыкшык шчы,
Гелыш, шчы, шчы.
Кшыктурыт шчы геловыкшык шчы
Кшыкшык шчы шчы: Вшыреш,
Лыбшы, всешыкшык шчы шчы.

Шчы дрышты партыйнасць — шчы шчы шчы,
Шчы шчы шчы шчы шчы-шчы,
Шчы шчы о шчы шчы шчы.
Шчы шчы шчы, шчы шчы в шчы шчы шчы,
Шчы шчы шчы, шчы шчы шчы: Геловыт,
Шчы все геловыкшык — Людеш!

1923.

Кузинь Шурь.

А. М. К.

Во пишите, моя Кузинь,
Что Вам попался на глаза
Роман "Надугае стремиме",
Тот юности моей гроза,
Тот Во взволновало романиче,
Тот мнози у героиче
Знакомы лично Вам, тот страшили
Волшебны сверченима светом
Объят Во, тот я, Вам гучдаси
До сей поры, стал меньше гучд,
Тот Во свои бомае гучдаси
Среди моят - Вам гучдаси - гучд
У мови романич отскани,
И тот моят запросов ряд
Подобен Вашими, тот еда-ли
Я буду сродству, врозел, рад...
Подход к любви, подход к природе,
Тот моят не стоек, стоек слыш,
И всі другие в том роду
Во гучдаси в писмае двух...
Спасибо, дорогой Шурь;
Я рад гучдаси писмю.
Угосканима его стругктура,
И г-ле чуждаси не пойму?
Все, все, тот точко и гучдаси,
Моео впитано душой, -
Я гучдаси гучдаси не гучдаси!
Во право: я Вам не гучдаси!

923.

~ Моз Россия.

И вьздут стужи расписанье
В раскатынные конки...

. 7 л. Б л о к.

~ Моз безбожная Россия,
Священная моя страна!
Ее равнины снеговые,
Ее узоры ковровые, -
Ах, или лиричность не дана?
Ее порывы огневые,
Ее мечты передовые,
Ее писатели живые,
Постижные ее до дна!
Ее разбитники святые,
Ее полеты голубые
И наше солнце и луна!
И эти звонки неземные,
И эти буквы удалые,
И все их, все их глубина!
И соловьи ее кожные,
И ноги пламенно-ледяные,
И браги древние хлебные,

И кубки, полные вина!
И тройки белено-степные,
И эти спусы расписные,
И эти сабры золотые,
И крыльчатые пристуживые,
И шей лебединый крутизна!
И наши бабы избушке,
И сарафаны их цветные,
И голоса девичьи грудные,
Такие русские, родные,
И молодые, как весна,
И разливные, как волна,
И песни, песни разрывные,
Какими наша грудь полна,
И вся она, и вся она —
Моя ползуга Россия,
Крылатая моя страна!

На смерть Валерия Брюсова.

Как шальные ваши шипабы и свет
над мертвецом, бессмертным согретым:
Ведь этот "блголюбивый коммунист"
Был в творчестве божественным поэтом!..

Поэт играет мысли, как дитя, —
ку как в солдатике играют дети...
Он загадку шутит, не шутя,
И это так легко понять в поэте...

Он умер оттого, что он, поэт,
увидел музу в протитутетском гриме.
Он умер оттого, что жизни нет,
А лишь марионетковые душищи...

нас, избранных, всё меньше скаждым днём:
Умолкнул Блок, не слышно Гумилева.
Когда ты с ними останешься вдвоём,
Трости его, самоубийца Львова...

Душа скорбит. Топикла голова.
Смотрю в окно: лес шелт, полз кагие.
Как выглядит без Брюсова Москва?
не так же ли, как без Москва — Россия?..

Järwe, 16 окт. 1924г.

x x
x

В твой юбилей двадцатилетний,
В день самый первый февраля,
Хочу, чтоб сгинули все сплетни
Вокруг поэтов короля...

Чтоб позабыл фокстротт и дэнс-мюзик
И остальную дребедень,
Займусь книгами моими
И обователю, хоть на денек...

И чтоб издатель прирастет
Не уменьшая раз в семь тираж,
Чтоб и прессарио в блок-нот
Не плутовал, а падал в раж...

И чтоб в заслуженный подарок
Поклонники (их легион!)
Лично поднесли по сотне марок,
Что даст мне в общем миллион!..

Toi ea.

1975.

Оркестротт.

Нелюбим, кому незнакомо, —
Но вред ли: ведь это павально! —
Я сделал изобретенье
Оркестротта, как трези земли:

— Кровать из публичного дома,
поставленная вертикально
в ризовый зал или в кино-клубе
Сидеть легче покупкой.

Taita.

~~У двох підручків математики в Рокціні,
А також підручків і двох підручків~~

~~По курсу 2-ї гімназії в Рокціні
Гімназійський, місцевий, класичний,
Міжнародний, німецький, російський,
ІІ Гімназійський, 4 класи ^{каденс}.~~

У двох підручків математики в Рокціні,
А також підручків і двох підручків

По курсу 2-ї гімназії в Рокціні
Гімназійський, місцевий, класичний,
Міжнародний, німецький, російський,
ІІ Гімназійський, 4 класи ^{каденс}.

Кривизна, аномалии, брахи и проги
и вал, возвышенности, седла и долины!
Идеи отбрасывайте от нерасстойной пружины!
Идеи погружайте в дурацкую яму!

Имею предложение спры,
Куда ~~уведомить~~ ^{уведомить} ~~уведомить~~ ^{уведомить}
То-то не ~~уведомить~~ ^{уведомить} ~~уведомить~~ ^{уведомить}
уведомить ~~уведомить~~ ^{уведомить}
Паспорт ~~уведомить~~ ^{уведомить} ~~уведомить~~ ^{уведомить}
by ~~уведомить~~ ^{уведомить} ~~уведомить~~ ^{уведомить}
(Мне надо то-то не ~~уведомить~~ ^{уведомить}!)
Идеи отбрасывайте от нерасстойной пружины!
1) Россия ~~уведомить~~ ^{уведомить} ~~уведомить~~ ^{уведомить}
* 2) ~~уведомить~~ ^{уведомить} ~~уведомить~~ ^{уведомить}

Жаңа көрсенділеріміз Отырақ Күресіне

Алаңда ұйымдастырып отырмыз.

Ақпараттық және Ғарыш,

Бүгінгі күндегіміз Отырақ Күресіне.

Ақпараттық және Ғарыштық қызметтерімізді қолдау мақсатында

Ақпараттық және Ғарыштық қызметтерімізді қолдау мақсатында

Бүгінгі күндегіміз Отырақ Күресіне

Ақпараттық және Ғарыштық қызметтерімізді қолдау мақсатында

Менің көңілімдегі оқиғаларым

О, көпестіңізді ұйымдастырыңыз!

Бүгінгі күндегіміз Отырақ Күресіне

Ақпараттық және Ғарыштық қызметтерімізді қолдау мақсатында

Ақпараттық және Ғарыштық қызметтерімізді қолдау мақсатында

Ақпараттық және Ғарыштық қызметтерімізді қолдау мақсатында

Ақпараттық және Ғарыштық қызметтерімізді қолдау мақсатында

Ақпараттық және Ғарыштық қызметтерімізді қолдау мақсатында

Ақпараттық және Ғарыштық қызметтерімізді қолдау мақсатында

Ақпараттық және Ғарыштық қызметтерімізді қолдау мақсатында

Ақпараттық және Ғарыштық қызметтерімізді қолдау мақсатында

Ozianno
 pčano pčano
 sava
 Mamo
 Mamo
 Mamo
 Mamo
 Mamo

Ozianno, no sonno ^{prostonala} ~~prostonala~~ osina.
~~Spela jagoda~~ ^{Spela jagoda} i Spela ozobelo
 Spela jagoda i Spela ozobelo
 Spela jagoda i Spela ozobelo

Spela jagoda i Spela ozobelo
 Spela jagoda i Spela ozobelo
 Spela jagoda i Spela ozobelo
 Spela jagoda i Spela ozobelo
 Spela jagoda i Spela ozobelo

Spela jagoda i Spela ozobelo: i Spela ge malina!

Ozianno no sonno prostonala osina
 Rijano Spela morjana i Spela ozobelo
 Spela jagoda spelo: i Spela ge malina
 J blistalo Jaristo osero sizo-belo

Итого 13.000 м.

Сахар	40 ф. по 28 м.	- 1120 м.
Мука белая	40 ф. по 20 м.	- 800 м.
Чай	20 ф. по 15 м.	- 300 м.
Макаронная.	40 ф. по 35 м.	- 1400 м.
Соль	10 ф. по 3 м.	- 30 м.
Манная	20 ф. по 20 м.	- 400 м.
Сыр.	40 ф. по 20 м.	- 800 м.
Масло	40 ф. по 75 м.	3.000 м.
Хлеб зерной	по 2 ф. по 2 ф. в день	4.500 м.
Картофель	4 месяца	1.000 м.
Приправа (перец, лук, дрожжи, горчица)		500 м.
Молоко	по 2 кружки в день на 5 мес.	2.800 м.
Мясо	40 ф. по 40 м.	1.600 м.
Яйца	по 4 яйца в день на 5 мес.	2.800 м.
Керосин	по 2 ф. в день на 5 мес.	2.250 м.
Моло	5 ф. по 30 м.	150 м.
Табак и мыло		2.000 м.
Дары в Чошме		500 м.
Дары в Соусе		500 м.
	13 месью - 5.300 м.	26.500 м.
Какао, чай, сахар.		
Всего	500	

Что знает бать царя...

Когда бы бать царя великого народа
Мир воцарил в удьло, вошел бы в войска:
Ка слов медленно мозгий фронт распродан
И в семьи по домам весь распустил войска.

Изобретателей удумливого газа
Ка лодиях плотоцадах повоевал без суда,
Фартиейность встретил рывительно и — разом
Каку смертию отверг. И это навсегда.

Недогадало возволил бы искусство,
Благоговеньную любовь к келью выума,
И в людях оцели бы пограшныи губовце —
Тяж наговоряемыи сердце и душа.

Отдав народу все — и деицы, и ильицы,
Волг грацидан поровну кассуциам надволя,
Покинул бы престол, в порыве водворовельс
Корону передав тебе, мой земля!

Восторжешно кидицев, воистину уверен
В своей единствешной и войцей править,
Это все край земли свои раскрали — б двери
Лови — кесуцей мир и рай земной — мертв.

Мир подрацали бы все оставшныи стужаю,
Черекотав на плуг орудия зной войны,
И переставшие вредить аэроплана
Толягу отать с земли доллары — б до луно.

Благословляемой свободным миром угляч,
Я сердце ближицего погал бы алтарем.

Когда бы бать царя мир воцарил удьлом,
Я показал бы все-и, что знает бать царя!

1927 г., 20 сент.

Так возникают стихи..

За утренним сидим ли чай,
Идем-ли к морю на песок,
Друг друга часто оглянем
И горько серебряни висок...

Хотю любовь цвотет сиренью
И кротке водержающая вин,
Что предаемься подозренью,
В моих поступках ищешь вин...

Напрасно! Если я с тобой,
Не все-ли, друг, тебе равно
Исполнен-ли я Тобой
Чув с Розовой щипу давно?..

К чему-же вьши утрень?
Кю грустно миль, что, может быть,
Этот щипу вдохнуть в стихотворень,
Я долщеи это-то умертвить...

Игорь-Степанович

1928.
Тоиде.

M. Igor Severianin

Сидишь на подоконнике
И думаешь — это такое подоконник?

Подоконников-то убогих,
А у поэта — безавтомобильные.

Вокруг «восторгов тельце»,
А у поэта — бездарие!

Гарольдический матаиба,
А у поэта — безматери!

И потому хорошо, читатели,
Что вы не почитатели,

А то было бы вам очень стыдно,
А поэту — за вас обидно...

1929г.

В первое годы Советского
Щатенка из быв слесаря,
драматург назывался "бесаря"...
А теперь своеобразное Советство:
Товарищеское, объявлено директором
и - наоборот, всем грамматикам -
"бесаря" зовется "драматиком",
А слесаря - архитектором...

1929г.

Изверги самовлюбленные.

Невозможно читать каминающих авторов,
Ты без благодарности бессмертных талантов их,
Ужко и вчера, и сегодня, и завтра
Одинаково невозмутимый стих.

И не только читать — принимать невозможно их,
Этих извергов самовлюбленных: они
Могут вырши безграмотных и кисточных
Вам читать пологительно цыгане дни.

Томлю, в молодости, принимая у их стагдле,
Черпывлю впауливал „отста“ их,
И читалось миль, что неудобочитаемо,
Ты без благодарности бессмертных талантов их...

Маларо, орицера, швейцаро, садовники,
Столяро и сектаито, медички, дьячки
Могли все в соловьи, в вичаки в лютовники,
В каглой сиромости люди втираг очки...

В пору, полнитас, расположений другого
Одного „баритона“ прослушав всю ночь,
З совсем неощиданно чухнулас в обморок
А, ожившись, кричал истерически: „Тргов!“

Как они не поймут, что они — обреченные,
И что проща во-вокси не будет из них?
Это просто болельше или просто влюбленные,
Ты без благодарности бессмертных талантов их!...

1929.

"Сперата".

Насъ двадуать лѣтъ связуютъ — жизни
и ты мнѣ дорога совсѣмь особа, ^{треть,}
Я при тебѣ хотѣлъ бѣ умереть:
Любовь моя воистину до гроба.

Хотю тебѣ о любви не говорить,
Швое молчанье болѣе мнѣ любовно.
Близградъ, Берлинъ, Софія и Парижъ —
Все это только наше безусловно.

Всегда болѣе благосклоненъ и добродѣтеленъ
къ намъ въ пору ту, когда шѣ боли вивѣтъ;
Пуетъ въ Сербію насъ въ бездну влекъ вагонъ,
Пуетъ сотрусила поѣзда въ Бухарестъ,
Пуетъ угрожала, въ ходъ пуетъ въ шанцахъ,
Удѣйствованъ истерика въ Кишиневъ,
Всегда свѣтло оканчивался нашъ
Келегкій путь, и счастье болѣе вивѣтъ.

Неизвинимо я виноватъ
Передъ тобой, тѣлантамъ налитая,
Швоихъ стиховъ отлетѣлъ и промятъ,
По временамъ изъ дали налетая.

Нелегкій путь...
~~Кто не знает, кто не знает~~

Насъ двадцать лѣтъ связуютъ — щизки
Что мнѣ дорога совсемъ особа. треть,
И при ^{мнѣ, мамѣ} ~~тебѣ~~ ^{книжечки} ~~у череть:~~
~~ты ввѣришь ввѣришь ты ввѣришь~~

Хоть то о любви не говоришь,
Твое молчанье боль, злымъ любовно.
Былградъ, Берлинъ, Софиз и Чаринъ —
Всѣ это только наше безусловно.

Всегда былъ благосклоненъ небосклонъ
Къ камбъ въ пору ту, когда мы были вивствъ:
Путь въ Сербию насъ въ бездну влекъ вагонъ,
Путь сотрѣсала погва въ Букарствъ,

Путь угрожала, въ ходъ пустивъ шантажъ,
Утѣшитель и истерика въ кишиневъ, —
Всегда свѣтло закаливалъ насъ
Нелегкій путь, и ^{спиритъ} ~~камень~~ ^{блѣ} ~~блѣ~~ виовъ.

Неизвѣстно зъ виоватъ
Терѣ тобою, тамъ кто нѣмъ калитаъ.
Твои стиховъ ответливъ ароматъ,
То врешечамъ изъ дали калетаъ.

Шел я звал, отвергнувшую лощь,
Взвесёлым, вешней плативу подруги
Тобой при мне, тобою гордимь сплещь,
Ах, не одна уловлена лососка!

А как молитвенно твоя любовь стит,
Съ предельной предусмотричной красотою,
Твоя вкусъ сверкает на стичахъ моихъ
Лягъ притебъ и живучею ногою.

Шелъ природа оказала тестъ:
Свою твоя въ ней. Глазами олазору
Сталь былитки, какъ любовь твоя причесот,
На берегу, мечтаюги, доль моря!

Съ улыбкой умудрениой, но ставной
Презрели о поэтъ пересуда,
Простивъ ему зарань въ оставной -
Уже недолюй! - жизни вся пригуде...

Одна мечта: вернутъ съ къ тебѣ,
О невозможной градимау утра!
Въ богоспасарной швей судьбы
Твоя - героичу тебѣ! твоя - сперата!

Tallinn.

5го ноября 1935.

Игорь-Сергей

Тедъ зъзналъ, отвергнувшю лонѣ,
Въ веселомъ вѣщанъ платицъ подростка
Тобой при мнѣ, тобою гордамъ сплосъ,
Ихъ, не одна уловлена лососка!

А какъ молитвенно тѣ любвибъ стихи
Съ предвѣсною — предусмотрѣнною! — красою.
Твой вкусъ сверкаетъ на стихакъ моихъ —
Льтъ при тебѣ — шивящеш росою.

Тедъ природа оказала гестъ:
Своз тѣ въ ионъ! Глазами олазоръ
Сталъ Балтики, какъ любвибъ тѣ прислетѣ
На берегу, меташю, доръ моръ!

~~Кто-то изъ твоихъ друзей
Кружитъ вѣтеръ вѣтеръ
Твои стихи вѣтеръ вѣтеръ
Или кто-то изъ твоихъ друзей~~

... Меташю, кинешю, о райнъ,
Кто-то изъ твоихъ друзей
Кружитъ вѣтеръ вѣтеръ
Твои стихи вѣтеръ вѣтеръ
Или кто-то изъ твоихъ друзей
Кружитъ вѣтеръ вѣтеръ
Твои стихи вѣтеръ вѣтеръ

П а л ч и н ѣ.
5 июль 1935.

Толуби.

Непередаваемая грусть в душу мою
В этом старом городе, полном голубей:
Нигде-то птичьего в этой птичьей кляпе,
Сколько безразличия! Ни мотоциклет,
Ни фигура варварски-грохотных подвож,
Ни почти ступающий ни хвост пшеницы —
Непугают голубя: он невозмутим,
Он озорничает, катаясь по крышам,
Цап птицу гордую больше не похочет,
[то-то в нем куриное, лишь его проймешь!
Больше не тоскует он о мухах в лещах,
Не парит презрительно в вольных небесах.
Как напоминает он голубя миль:
Птица электричество предпочла лунь!
Тосковала в городе, сиротливо и тиньливо,
Разучилась действовать дачиной ей кровли...
Оттого-то в городе, полном голубей,
Непередаваемая грусть в душу мою!

Т а л и ч и н а .

б. XI. 1935.

Так создан мир.

Рассеиваются ураганы
И урагиваются вновь,
И верное в дыме копытоколе
Сверкает неизменный мотыль.

Одна, другая, третья — и ты время,
И все-таки одна — одна,
Ты угадываешь отрезок-то,
Ты расцветалась, как весна.

О, бесни! бесни! У нас полым бесном,
И все строится кубане: строит.
Умножит то, но все-таки с одною,
И в каждой озорничествеи сает.

Завтрашний мир.

Прослушивается к словам московским
не только наша Красная земля,
освоенная великим Марковским
в мурах маяковидного Кремля,
а целый мир, который будет завтра,
как во седиз — землянам и тузем,
и землянам Сталин, мудрой автор,
кто стал неуверенно — дороги.

Везде коммунизм возвестил итменем,
и краснот красная звезда
не только там, где порожен Ленин,
а всюду и везде, и навсегда.

Усть-Курок, 16 сент. 1940.

От публикатора

С тех пор, как он пришел к нам, исполнилось полных 125 лет. Сегодня я уже старше поэта на целых два года. Мы разминулись во времени, но его жизнь я знаю лучше, чем свою. Если бы наши судьбы переплелись, то мы могли бы стать соседями и даже друзьями, а то и собутыльниками на поэтических элоквенциях...

В 1924 году Игорь-Северянин напел посвящение 125-й годовщине со дня рождения Пушкина, сложив в первой же строке наше русское всё – Любовь, Россию, Солнце и самого Пушкина.

Игорь-Северянин не оставил нам своего голоса. Говорят, была пластинка, привезенная в 1934 году из Белграда, но до наших дней эта запись не дожила. Однако есть возможность заглянуть в то потаенное место, которое по дурацкой традиции разоблачать тайны и таинства, принято называть «творческой лабораторией поэта».

Я же предпочитаю думать не о производственном помещении, но о месте, в котором поэт томится ожиданием Любви, Солнца и России, что для русских в Эстонии всегда было и будет актуально. Будучи погружен в заботы суетного света, он живет ожиданием приглашения к священной жертве. Поэт томится, потому что, когда наступает заветный час, трагедия жизни по мановению волшебного пера претворяется в грёзофарс. Томление и фарс – казалось бы две вещи несовместные, однако же, *чем томительнее томление, тем круче фарс и волшебнее грёзы*. И вот какое любовное томление мы находим у поэта:

Мне что-то холодно... А в комнате тепло:
Плита натоплена, как сердце нежной лаской.
Я очарован сна загадочною сказкой,
Но все же холодно, а в комнате тепло.
Рассудок замер. Скорь целует мне чело.
Таинственная связь грозит своей развязкой,
Всегда мне холодно... другим всегда тепло!..
Я исчервлён теплом, как сердце – едкой лаской...

Если мы не будем назойливы, а будем осторожны и терпеливы, то увидим, как от настроения меняется почерк поэта, увидим авторскую правку, нереализованные замыслы, подсчеты опубликованных строк и предполагаемых гонораров, расходы на картошку, сахар, яйца, табак и гильзы для папирос...

*Михаил Петров
16 мая 2012 года.*

Краткие пояснения к текстам *fac simile*

125

Опубликовано в сборнике «Классические розы» (Белград, 1931) в разделе «Бессмертным». Сборник воспроизведен в пятитомнике «Игорь Северянин. Сочинения» (СПб, Logos, 1996) под произвольным названием составителей «Бессмертным». Зимой 1940-1941 годов Игорь Северянин посылал Георгию Шенгели в Ленинград автографы стихотворений, предназначенные для публикации в советских изданиях. Поскольку стихотворение «125» было написано в 1924 году к 125-летию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина, то в 1941 году актуальность даты была утрачена. Среди автографов, переданных вдовой Шенгели эстонскому литературоведу и мемуаристу Юрию (Георгию) Шумакову, имеется текст стихотворения «125», озаглавленный по последней строке «Змея Олегова коня...»

Сражение при Цусиме

Хранится в рукописном отделе литературного музея в Тарту. Впервые опубликовано в книге М.Петрова «Бокал прощенья. Материалы к биографии Игоря Северянина» (Нарва, 2004) с восстановленными цензурными купюрами. Стихотворение завершает цикл из 9 брошюр Игоря Лотарева (впоследствии Игоря Северянина), посвященных Русско-японской войне. Автограф предназначался для Цензурного комитета, о чем свидетельствует гербовая марка и цензурная правка, с последующей передачей в типографию и литографию И.Флейтмана в Санкт-Петербурге. Предположительно, издание не было осуществлено летом 1905 года, поскольку ему помешал бурный роман поэта с Евгенией Гуцан (Златой) – героиней и музой многих стихотворений в период с 1905 по 1921 годы.

Это было у моря...

Знаменитая поэма-миньонет (миньонет стихотворная форма, изобретенная Игорем Северяниным, см. его работу «Теория Версификации. Стилистика поэтики»). Миньонет выполняется анапестом и состоит из строфы в 8 строк, в которых первая строка повторяет седьмую и рифмуется с третьей и пятой строками; второй стих повторяет восьмую строку и рифмуется с четвертой и шестой строками. Стихотворение или поэма может состоять из любого количества миньонетов. В настоящем сборнике представлены два автографа. Автограф на странице 9

выполнен в рукописном сборнике, предназначенном для набора в типографии. Автограф на странице 8 выполнен на развороте переднего форзаца «Громокипящего кубка» и адресован знакомой поэта: *«Елизавете Ильиничне Лапиной с искренним приветом, автор»*. Автограф хранился в собрании Ю.Шумакова. Имеется возможность сравнить текст, написанный в спокойном состоянии (стр.9) с текстом, написанным в кураже (стр. 8). Поэма-миньонет «Это было у моря...» посвящена знакомой поэта Анне Воробьевой, писавший стихи под псевдонимом «Северянка».

Хабанера III Весенний день

Оба стихотворения долгое время входили в репертуар «поззоконцертов» Игоря-Северянина. Текст «Хабанеры. III» предназначен для набора в типографии. Автограф «Весеннего дня» предназначен для подарка, о чем свидетельствует парадная подпись. Получен Ю.Шумаковым от вдовы Г.Шенгели.

Я прогремел на всю Россию...

Подарочный вариант автографа IV части «Пролога» из раздела «Эгофутуризм» в сборнике «Громокипящий кубок». Имеются незначительные расхождения с печатным текстом: первая строфа в автографе оканчивается запятой, вторая строфа – восклицательным знаком. Видимо, поэт восстановил издательские опечатки.

Зизи Гурманка

Оба автографа написаны в спокойном состоянии и предназначены для набора в типографии. Стихотворение «Зизи» поэт иногда исполнял на поззоконцертах вместе со стихотворением «Это было у моря». Героиней стихотворения «Гурманка» является младшая сестра Евгении Гущан – Елизавета, состоявшая с поэтом в интимной связи. Ей посвящены стихотворения: Ея сестра. 1908, «Ананасы в шампанском», Июньский набросок. 1910, Мисс Лиль. 1911, «Громокипящий кубок», Поэза без названия. 1911. Обе вы мне жены. 1913. Ненужное письмо. 1913 «Златолира», Веранда над морем. 1915, июль, «Гост безответный», упомянута в романе «Падучая стремнина». 1922. Поэма «Винтик», 1915.

Посвящение

Автограф стихотворения любезно предоставлен Алексом Рабиновичем (Нью-Йорк). Автограф содержит пометку «До 1-го отдела», что указывает на его изначальное предназначение для сборника «Гост безответный» (Издательство «Земля», СПб, 1918), целиком посвященного Марии Волнянской. Мария Васильевна Волнянская (Домбровская) гастроллирующая исполнительница городских (цыганских) романсов длительное время была гражданской женой Игоря-Северянина. Автограф содержит указание на место и дату: «Саратов. 1915. Декабрь 13-го». Накануне, т.е. 12 декабря в зале Алексеевской консерватории состоялся поэзоконцерт Игоря-Северянина, предварявшийся докладом Алексея Масаинова «Поэты и толпа».

Знакомство поэта с Волнянской произошло в Харькове между 2 и 5 марта 1915 года. В зале Общественной библиотеки 2 марта состоялся 3-й Поэзовечер, сопровождавшийся докладом критика Виктора Ховина «Перепутья русского футуризма». Последний общедоступный поэзовечер Игоря-Северянина состоялся в Литературно-художественном кружке 5 марта. Критик В.Ховин прочел доклад «Фанатик красоты в пурпуровой мантии (Оскар Уайльд)». Поэт Александр Толмачев читал «Рондели», посвященные Игорю-Северянину. По некоторым оговоркам поэта можно сделать предположение, что знакомство с Волнянской произошло случайно на железнодорожной платформе у часовни в память о Высочайшем манифесте от 17 октября 1905 года.

**Она была сначала этуаль...
От тоски научилась курить...**

Стихотворения взяты из рукописи нереализованного сборника «Настройка лиры. Поэзы 1910-1918 годов» (РГАЛИ, ф.1152, оп.1, е.х.2, л.29 об и л.39). Оба стихотворения впервые опубликованы в сборнике «Поэзы в интерьере» (Составитель М.Петров. Нарва, 2006). В сквозной нумерации поэта сборник «Настройка лиры» обозначен, как «том X». Любопытно, что все стихотворения в сборнике написаны печатными буквами – работа, требовавшая времени, большой усидчивости и внимания. Стихотворения представляют собой маленькие шедевры, написанные до того, как поэт оказался в зените всероссийской славы.

Наша встреча – похороны дней... Наша встреча – Victoria Regia...

Довольно редкий случай, когда два совершенно разных по форме и содержанию стихотворения начинаются с одинакового словосочетания «наша встреча –». Стихотворение «Наша встреча – Victoria Regia...» написано в форме миньонета (см. примечание к стихотворению «Это было у моря...»). По названию стихотворения назван сборник «Victoria Regia. Четвертая книга поэм» (Издательство «Наши дни», Москва, 1915). Victoria Regia (Victoria amazonica) – крупное травянистое растение семейства Кувшинковые, названо в честь британской королевы Виктории

Владимиру Маяковскому

Автограф воспроизведен по рукописи нереализованного сборника «Литавры солнца» (РГАЛИ, ф.1152, оп.1, с.х.1). Стихотворение содержит указания на различные события, имевшие место в жизни поэтов. В частности упоминаются знаменитая жёлтая кофта и вишневый фрак Владимира Маяковского. Во второй половине стихотворения упоминается совместное гастрольное турне 1914 года «Первая олимпиада футуристов», в которой принимали участие Давид Бурлюк и Вадим Баян (В.Сидоров). Также упоминаются две общие любовницы – поэтесса Валентина Солнцева (Гадзевич) и София Сергеевна Шамардина. Подробнее смотри: Игорь-Северянин. «Колокола собора чувств. Автобиографический роман в 3-частях. Том XIX» (Издательство Вадим Бергман, Юрьев-Тарту, 1925).

Перед войной

Автограф воспроизведен по рукописи нереализованного сборника «Лирика. 1918-1928» (порядкового номера в библиографии поэта не имеет). Позднее стихотворение было опубликовано в сборнике «Классические розы» с правкой. Стихотворение написано в Тойла и является откликом на слухи о смерти Николая Гумилева. Позже пришло известие о том, что Гумилев был расстрелян и поэт исправил строку «*что в мечтах забыт*» на «*где он был убит*». Есть смутные сведения о том, что роковую роль в аресте Гумилева сыграл их общий знакомый поэт и меценат Борис Башкиров (Борис Верин, «Принц сирени»), с которым он беседовал на политические темы.

Банальная поэза

Адресат стихотворения жена поэта Фелисса Михайловна Лотарёва, урожденная Круут. Предположительно в стихотворении упоминается беженка из Петрограда Евдокия Штранделл, жена хозяина продуктовой лавки в Тойла, отпускавшего семье Лотаревых продукты в кредит. Поэт состоял с Евдокией Штранделл в длительной любовной связи. В письме к Софии Карузо он называет ее холодной Цирцеей и признается, что несколько раз прекращал ради нее успешные турне в Европе.

**Не говорите о культуре
Уничтожьте партийность
Что значит быть царем
Изверги самовлюбленные**

Автографы из рукописи нереализованного сборника «Литавры солнца. Стихи 1922-1926 г.г. Том XVIII» представляют собой изложение довольно наивных и противоречивых политических взглядов поэта в концентрированном виде. Сравните со взглядами поэта, изложенными в поэме «Солнечный дикарь. Утопия. 1924. Том XIX».

Кузине Шуре.

Автограф из рукописи нереализованного сборника «Литавры солнца. Стихи 1922-1926 г.г. Том XVIII» адресован кузине поэта по линии Домонтовичей – Александре Михайловне Коллонтай, урожденной Домонтович, советскому партийному деятелю и дипломату. Игорь Северянин и Александра Домонтович находились в состоянии *свойства*, т.е. некровного родства по линии первого мужа матери поэта.

Моя Россия

Автограф стихотворения, предназначавшийся для советской печати, передан вдовой поэта Шенгели литературоведу Юрию Шумакову. Текст опубликован в сборнике «Классические розы» (Белград, 1931).

На смерть Валерия Брюсова

Автограф воспроизведен по рукописи нереализованного сборника «Лирика. 1918-1928». В стихотворении упоминаются умершие к тому времени современники поэта Александр Блок и Николай Гумилев, а также поэтесса Надежда Львова, которую Брюсов успешно склонил к самоубийству. Он подарил ей полуавтоматический пистолет Browning

М1900, из которого Нина Петровская неудачно стреляла в поэта Андрея Белого. Львова застрелилась 24 ноября 1913 года. Брюсов чувствовал свою вину за случившееся и даже предпринял меры, чтобы его имя не попало в прессу в связи с самоубийством.

В мой юбилей двадцатилетний

Автограф стихотворения 1925 года взят из сборника «Настройка лиры. Поэзы 1910-1918 годов» (РГАЛИ, ф.1152, оп.1, е.х.2, л.48 об). Речь идет о двадцатилетнем юбилее творческой деятельности, которую поэт отсчитывал от 1 февраля 1905 года, когда в солдатском журнале генерала Зыкова было опубликовано его юношеское стихотворение. В 1925 году в Эстонии вышла в свет поэма «Колокола собора чувств. Автобиографический роман в 3-частях. Том XIX» (Издательство Вадим Бергман, Юрьев-Тарту, 1925). Часть тиража вышла в лентой красного цвета, украшенной надписью: *«XX Игорь-Северянин Последние рукописи, вышедшие ко дню 20-летия литературной деятельности поэта»*.

Фокстротт

Автограф стихотворения взят с оборота последней страницы рукописного сборника «Настройка лиры. Поэзы 1910-1918 годов» (РГАЛИ, ф.1152, оп.1, е.х.2, л.67 об). Стихотворение явно записано второпях. Похоже на тот случай, когда на поэта снизошло вдохновение, а чистого листа бумаги под рукой не оказалось. Стихотворение с аналогичным названием, но совершенно иным содержанием опубликовано в сборнике «Классические розы» (Белград, 1931)

**Я мог Родиться только в России..
Крэмозы, алозы, белозы и розы...
Это произойдет сразу
Звал календарный Отто Кирхнер
Мне снится книга без ошибок
Osijanno, но сонно**

Черновые наброски стихотворений из «Записной книги И.В.Лотарева. Eesti, Toila. 1920» (литературный музей в Тарту) позволяют заглянуть в «творческую лабораторию поэта». Эти стихотворения никогда уже не будут дописаны, но даже в таком виде они имеют право на полноценное существование в истории русской литературы.

Так возникают стихи...

Автограф воспроизведен по рукописи нереализованного сборника «Лирика. 1918-1928». Судя по подписи, до включения в сборник стихотворение было подарено жене Фелиссе в качестве извинений за связь с упомянутыми в тексте Евдокией Штранделл («Голубая») и предположительно Ириной Борман – поэтессой ИрБор («Розовая»).

Сижу на подоконнике... В первые годы беженства...

Два автографа из небольшого цикла стихотворений о беженцах из России в рукописи из нереализованного сборника «Литавры солнца. Стихи 1922-1926 г.г. Том XVIII» отлично иллюстрируют бедственное материальное положение поэта в конце 20-х годов.

Сперата Нелегкий путь

Автограф карандашом покаянного стихотворения «Сперата», обращенного к жене Фелиссе, хранится в литературном музее в Тарту. Автограф стихотворения «Нелегкий путь» взят из рукописного сборника «Очаровательные разочарования» (РГАЛИ, фонд 1152, оп.1, е.х.3, л.56 и 56 об). Печальный случай, когда поэт согласился под давлением последней сожительницы Веры Борисовны Коренди «исправить» то, что *выпелось* так искренне. Изменены оценки и настроение стихотворения.

Голуби

Автограф трогательного стихотворения из рукописного сборника «Очаровательные разочарования» (РГАЛИ, фонд 1152, оп.1, е.х.3, л.57)

Так создан мир Завтрашний мир

Стихотворения были посланы Г.Шенгели для публикации в советской прессе. Переданы вдовой Шенгели литератору Ю.Шумакову. Стихотворение «Завтрашний мир» написано под явным влиянием Шенгели, посоветовавшего Игорю-Северянину определиться в отношении советской власти. В одном из писем к Шенгели Игорь-Северянин сообщает: *«В скором времени я напишу письмо Сталину, ибо знаю, что он воистину гениальный человек».* (9.10.1940) О реальности письменного обращения поэта к Иосифу Сталину в литературе нет никаких сведений.